

вать Византию в глазах греков и людей Запада³². Следуя за Папарригопуло (стр. 28), он превозносил первых трех Комнинов, в том числе и «героического Мануила», прославивших трон и укрепивших государство (стр. 27).

Особое место в ряду книг, затрагивавших эпоху Комнинов, принадлежит монографии Э. Остера, посвященной Анне Комнин³³. По своей концепции книга Остера относится все к тому же направлению, реабилитирующему первых Комнинов (и особенно Алексея), начало которому было положено де Сегюротом. И когда Остер пишет о возрождении (*Wiedererweckung und Wiedergeburt*) Комнинами ослабленных элементов Византийской империи (I, стр. 3), о реформах Алексея во всех областях управления (стр. 13), он не вносит ничего нового в сравнении с де Сегюротом или Гопфом.

Однако сильная сторона книги Остера — не в ее концепции, а в том, что автор, не ограничиваясь случайно найденными сведениями, подверг систематическому пересмотру и общие взгляды Анны на ее отца, и конкретные факты, сообщаемые ею о деятельности Алексея, и свидетельства других авторов об основателе династии Комнинов. При этом Остер уделил специальное внимание внутренней политике Алексея и был, собственно говоря, первым историком, который попытался дать цельную характеристику внутренней деятельности этого императора. Полученные им результаты резко разошлись с данными Лебо.

Известно, что один из серьезнейших упреков, высказанных в адрес Алексея, — это обвинение в налоговых притеснениях (см. выше, стр. 56). Остер приходит к иному мнению: оказывается, Алексей упорядочил податную систему и ввел твердые нормы обложения. Лебо ставил Алексею в вину спекуляцию с испорченной монетой — Остер полагает, что при Алексее монетная система была приведена в порядок (III, стр. 21). Алексея винили в забвении интересов отечественной торговли, в раздаче привилегий иноземцам — Остер уверяет, что проникновение иноземных купцов в империю было для нее благотворным, подобно открытию отделений Ганзы в Лондоне или Новгороде (стр. 20). Алексей ввел должность императорских контролеров для надзора за провинцией (стр. 19), реорганизовал флот (стр. 31 и сл.), заботился об армии (стр. 22 и сл.), боролся с подкупностью (стр. 18 и сл.). Заговоры против Алексея были ничтожными, их возглавляли ограниченные люди, не пользовавшиеся влиянием ни в народе, ни среди знати (стр. 30).

Нельзя не видеть, что иные из суждений Остера произвольны, основываются на предвзятом толковании скудных известий источников. Ничем, к примеру, не обосновано его утверждение, что Алексей ввел должность императорских контролеров. И все же примененный Остером метод всестороннего изучения соответствующих источников, равно как и пристальное внимание к вопросам внутренней политики имели бы большое значение для исследования «загадки Комнинов», если бы работа Остера не оказалась по странной игре случая почти совсем забытой.

То назревание интереса к внутренней истории Византии, которое мы наблюдали сперва в высказываниях Тафеля, затем в трудах Финлея, Гопфа и Остера, получает дальнейший стимул в конце XIX в. Здесь действовали и возрастание интереса к социально-экономическим проблемам современности, и распространение позитивистской историографии, и более частная причина — расширение круга источников, затрагивающих аграрные проблемы. Правда, византиноведы конца XIX в. уделяли основ-

³² D. B i k e l a s. *Les grecs au moyen âge*. Paris, 1878 (переиздано в его сборнике: *La Grèce byzantine et moderne*. Paris, 1893). Цитирую по греческому изданию: S. B i k e l a s. *Περὶ Βυζαντινῶν. Λοιδίον*, 1876.

³³ E. O s t e r. *Anna Komnena*, I—III. Rastatt, 1868—1871.